

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ГРЕКО-РИМСКОГО ЕГИПТА

Неослабный интерес к истории эллинистическо-римского Египта вполне понятен и закономерен. Ни для одной страны античного мира нет такого обширного документального материала, как для истории греко-римского Египта, и интерес к нему поддерживается непрерывно продолжающейся публикацией новых папирусных источников. Только об одном греческом Египте свидетельствуют сотни тысяч папирусов. Из них пока опубликовано около 30 тысяч греческих и демотических текстов.

Величайшее и общепризнанное значение для аграрной истории птолемеевского Египта и для истории раннего эллинизма вообще приобрел так называемый архив Зенона, найденный в Фаюме в 1914 г. Разбросанный по крупнейшим музеям мира, он начал систематически публиковаться с 1917 г. Зенон, сын Агреофона из Карии, с 261—260 г. находился на службе у Аполлония, видного вельможи, диоикета Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.). С 257 г. Зенон был назначен управляющим крупнейшими поместьями Аполлония в Филладельфии (Фаюм), пожалованными ему царем (δωρεαί). Таким образом, Зенон исполнял в хозяйстве Аполлония такую же должность, какую сам Аполлоний исполнял в «хозяйстве» Птолемея, т. е. в Египте. На этой службе Зенон находился вплоть до отстранения Аполлония от должности диоикета и лишения его имения Эвергетом I. Таким образом, хронологически документы архива Зенона охватывают время от 261 до 239 г. до н. э. (возможно, до 230/29 г.). Архив Зенона, состоящий из переписки Зенона с Аполлонием, с различными чиновниками и частными лицами, из счетов, отчетности и т. д., содержит самый разнообразный материал, касающийся структуры и организации одного из крупнейших хозяйств птолемеевского вельможи, и характеризует хозяйственную и культур-

ную жизнь, организацию управления и административное устройство птолемеевского Египта в III в. до н. э.¹

Уже в 1922 г. появилось большое исследование Ростовцева, посвященное хозяйству Аполлония². С тех пор, по мере публикации новых материалов архива, интерес к нему не ослабевает. В 1947 г. Клер Прэо, автор известной работы о царском хозяйстве Лагидов («L'économie royale des Lagides, 1939»), выпустила новую работу, посвященную материалам архива Зенона³. Если названная работа Ростовцева была основана на опубликованных к тому времени около 350 папирусах (не считая некоторых неопубликованных папирусов Британского музея), то Прэо использовала в своей работе несколько тысяч папирусных документов. В какой же мере новый материал расширил наши представления о хозяйственном и социальном строе птолемеевского Египта III в. до н. э.? Прэо заявляет, что новый материал только подтвердил выводы Ростовцева. С этим утверждением, понятно, согласиться невозможно. Буржуазная ограниченность автора мешает ему правильно разобраться в обширном материале, изученном им.

В советской литературе уже было отмечено⁴, что автор «Царского хозяйства Лагидов», находясь под влиянием юридической школы Пиренна, видит в истории хозяйства Лагидов только борьбу двух юридических концепций: царского и индивидуального права собственности. Подобный отрыв вопросов экономики и права от социальной истории характерен и для рассматриваемой работы. Упорное отрицание рабовладельческого в своей основе характера хозяйства эллинистического Египта, нежелание видеть в нем соединение элементов античного рабовладения с восточными формами эксплуатации непосредственного производителя свидетельствуют о полной методологической беспомощности автора. Наиболее ярким примером теоретической путаницы и эклектизма автора является то, что Прэо в одно и то же время оперирует такими модернизаторскими и хронологически разнородными социальными терминами, как «фермеры», «владельцы бенефиций» и «капиталисты».

Прэо является продолжателем концепции Ростовцева. Исходя из своей концепции циклизма, Ростовцев определял общество классической Греции как капиталистическое и полагал, что Птолемеи перенесли формы капиталистической эксплуатации из Греции в Египет, где до этого господствовали будто бы феодально-крепостнические отношения. По мнению Ростовцева и следующей за ним Прэо, крепостные египетские крестьяне были освобождены Птолемеями и должны были работать в качестве свободных батраков или же капиталистических фермеров, обрабатывая землю царя и греко-македонской господствующей прослойки. В соответствии с этими предпосылками Прэо называет хозяйство Аполлония капиталистическим. Кто же является непосредственным производителем и каков способ его эксплуатации в «капиталистическом» хозяйстве Аполлония? Прэо называет три категории непосредственных производителей: фермеры, коллективные арендаторы и наемные рабочие. Основными фигурами в хозяйстве Аполлония являются, по мнению Прэо, фермеры и наемные рабочие. Каково же хозяйственное и юридическое положение этих категорий?

Так называемые «фермеры» арендуют землю по индивидуальному договору. Рабочий скот, как правило, им не принадлежит, получают они его, наряду с семенами и частью сельскохозяйственного инвентаря, от администрации *δωρεά*. Даже у тех «фермеров», которые имеют собственный скот, Зенон конфискует его во время жатвы (стр. 32 и 47). Эти «фермеры» часто получают вознаграждение наряду с наемными работниками (стр. 49). Отсутствие зачастую собственных средств производства и скота, картина по существу принудительного труда, мелочной регламентации каждого шага

¹ Архив содержит также важный материал, касающийся истории Сирии и Палестины указанного периода.

² M. R o s t o v t z e f f, A large estate in Egypt in the third century B. C., A study in economic history, Madison, 1922.

³ C. P r é a u x, Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon, Bruxelles, 1947.

⁴ К. З е л ь и н, Земли клерухов в Керкеосирице по данным тебтюнисских папирусов, ВДИ, № 1948, 3. стр. 38.

и полной зависимости этих так называемых фермеров от администрации поместья показывают, что это «фермеры» особого рода.

О наемных рабочих Прэо говорит, что их положение еще хуже, чем арендаторов (стр. 51). «В принципе работник нанимался по свободному договору» (стр. 48). «Закон спроса и предложения (? — И. А.) действовал бы беспрепятственно на рынке труда (? — И. А.) в домене, если бы его не старались извратить принуждением и запугиванием» (стр. 49). Прэо не может понять, что «принуждение и запугивание» является имманентным свойством всего птолемеевского хозяйства, коренящимся в его классовой природе.

Среди этой категории производителей имеются неупомянутые автором $\chi\epsilon\omega\rho\upsilon\iota$ $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\eta\iota$ (например, P. Namb. 27 от 250 г.), которых можно сопоставить с $\delta\omicron\delta\lambda\omicron\iota$ $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\eta\iota$ более поздних текстов¹. Из этого и подобных ему текстов можно заключить, что Зенон снабжал арендаторов не только семенами и скотом, но сдавал им в аренду также и работников, жалование которых ($\mu\epsilon\theta\acute{\omicron}\varsigma$) поступало затем в хозяйство Аполлония.

Само собою разумеется, что один только формальный анализ социальных терминов не может вскрыть подлинной картины производственных отношений. Известно, что $\chi\epsilon\omega\rho\upsilon\iota$ были, например, арендаторами царских и пожалованных земель; этим же термином назывались землевладельцы, пользовавшиеся наемной рабочей силой (в этом случае они тождественны с $\chi\epsilon\omicron\delta\chi\omicron\iota$), но были и указанные $\chi\epsilon\omega\rho\upsilon\iota$ $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\eta\iota$, получавшие жалование. Сам факт получения жалования в античном рабовладельческом обществе отнюдь не может служить единственным признаком для отнесения получающих это жалование к категории вольнонаемных рабочих. При толковании этих терминов следует конкретно изучать контекст, в котором эти термины встречаются, и прежде всего необходимо установить отношение данной категории работников к средствам производства и характер эксплуатации рабочей силы. В данном случае оказывается, что так называемые вольнонаемные рабочие: а) лишены средств производства и б) работают в принудительном порядке. Совокупность этих признаков, как известно, лишает права относить работников этой категории и к крепостным крестьянам и к вольнонаемным рабочим.

То, что Прэо называет «свободными договорами»², на самом деле было контрактами, по существу превращавшими контрактующих в фактических рабов, в своеобразных $\delta\omicron\delta\lambda\omicron\iota$ $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\eta$. Наемные работники (среди них были и крестьяне, работавшие в порядке трудовой повинности)³ работали в отрядах под наблюдением надсмотрщиков и подвергались жестокому внеэкономическому принуждению. Документы свидетельствуют о том, что недовольство, «забастовки», бегство работников были массовым явлением и затрудняли Зенону организацию обработки земли. По этому поводу автор замечает: «Если рабочие оставляют работу, то значит она плохо организована. Это поняли греческие капиталисты Египта и сам царь». Отсюда поиски средств для смягчения классовой борьбы угнетенных: нужно, мол, своевременно удовлетворять жалобы, нужно снижать стоимость аренды...

Большие участки земли (до 1000 аур) сдаются на началах коллективного договора группам египетских крестьян. «И тут, — замечает автор — повод для раздражения, и здесь земледелец непрочно сидит на земле» (стр. 51). Тут же автор говорит о «забастовках» также и этой группы работников. Документы говорят о том, что крестьяне этой группы ($\chi\epsilon\omega\rho\upsilon\iota$) покидают землю и ищут убежища в храмах (см.,

¹ Например, P. L i p s., III; ср. ИГАИМК, вып. 108, стр. 62.

² Весьма распространенным приемом модернизации античных порядков являются попытки постулировать для древности «свободные договоры» рабочих, чуть ли не профсоюзы и т. п. Вслед за Р. Пельманом, искавшим «профсоюзы» в древней Греции, буржуазные ученые ищут их теперь и в Риме. См., например, W. E r d m a n n, Freie Berufe und Arbeitsverträge in Rom, ZSt., Rom. Abteilung, Bd. 66, 1948, стр. 567—571.

³ PCZ 59301, 59451; см. ИГАИМК, вып. 108, стр. 81—82.

например, PSI 502, PCZ 59245). Здесь мы скорее всего имеем дело с принудительной эксплуатацией целых египетских общин или деревень с общинной организацией. Дело в том, что *δωρεά* состояли из двух категорий: а) из пустовавших, повидимому, массивов земель, составлявших основу *δωρεά*, и б) из земель, на которых сидели египетские общинники. Крупные участки в 1000 арур второй категории, повидимому, принадлежали египетским общинникам. Рассмотренные категории зависимых работников *δωρεά* ничего общего, разумеется, с категориями производителей капиталистического хозяйства не имеют, а связаны со специфической древневосточной формой эксплуатации непосредственного производителя.

Прэо совершенно отрицает эксплуатацию рабов в сельском хозяйстве Аполлония, а использование труда рабов в ремесле сводит почти к нулю. «Рабам, — говорит Прэо, — доверяли лишь домашнюю работу» (стр. 49); «рабы в ремесле — редкость» (там же)¹. Это аподиктическое утверждение опровергается, однако, документами. Встречающиеся в документах термины *παίδες* (PSI 427²), *παίδισκαι* (PCZ, 3), *παιδάρια* (P. Lond. Inv. 2312; PCZ 59498, 59195 и др.³), *σώματα* указывают на применение труда рабов и в сельском хозяйстве.

Что касается ремесла, то документы прямо опровергают утверждения автора. Достаточно указать на то, что производство сукон в большой, принадлежавшей Аполлонию мастерской в Мемфисе было целиком основано на применении труда рабынь (PSI 485; PCZ 24, 25; ср. Ростовцев, ук. соч., стр. 115—116)⁴. На стр. 38 Прэо сама указывает на то, что в ковровой мастерской в Мемфисе работали рабыни. Таких примеров очень много, и этот вопрос настолько очевиден, что нет надобности подробно останавливаться на нем. Отрицая применение труда рабов в хозяйстве, автор еще раз сам себе противоречит, отмечая в разделе о внешней торговле Птолемея крупные операции по закупке рабов, запрет Птолемея вывозить рабов за пределы Египта и т. д. (стр. 58). Наконец, известно, что Зенон импортировал рабов из Сирии (*σώματα από Συρία*; PSI, 648). Вопреки Ростовцеву, Вилькен (APf VI, 393, 449) полагает, что PSI 406 и 616 указывают на настоящую охоту за рабами, осуществлявшуюся агентами Зенона в Сирии. Надо полагать, что вопрос этот будет решен полностью после того, как весь относящийся сюда фактический материал будет пересмотрен советскими исследователями.

Можно отметить еще одно обстоятельство, оставленное автором без всякого внимания. В главе «Деньги, банк, кредит» (стр. 65 сл.) Прэо модернизирует состояние кредитно-банковского дела в раннептолемеевском Египте. Однако из использованных ею документов зеноновского архива выступает яркая картина процветания ростовщичества и вытекающего отсюда кабального рабства-должничества. Царь вынужден даже ограничить ставку, взимаемую ростовщиками до 25% в год. Все же, пользуясь тяжелым положением крестьян, ростовщики фактически брали из расчета трех и четырех процентов в месяц, а один ростовщик требует даже 6% в месяц. Документы свидетельствуют о том, что в хозяйстве Аполлония ростовщичество приняло широкие размеры. Выдачей кабальных ссуд Аполлоний держал в своих руках зависимое от него население. Так, один бедняк молит Зенона о выдаче ссуды, обещая вернуть ее вдвойне. Возможно, что в связи с этим и находится необычайно низкий уровень оплаты труда наемных сельскохозяйственных работников (5 драхм и 1 артаба хлеба в месяц). Один помощник

¹ Ср. аналогичное утверждение В. Тарна, *Эллинистическая цивилизация*, 1949, стр. 184: «За исключением рудников, в Египте не было рабства, если не считать домашних рабов в греческих домах».

² Синоним *παίδες* — рабы засвидетельствован и для более позднего времени, например, в комментарии александрийского патриарха Кирилла (V в. н. э.) к ст. 15—16 Исайи, *Patrologia Graeca*, 70, стр. 838. См. ИГАИМК, вып. 108, стр. 88.

³ В PCZ 59292 термин *παιδάρια* употребляется в контексте с сирийцами-рабами.

⁴ Ср. также Ростовцев, ук. соч., стр. 135: large masses of slaves were employed by the factory owners.

писца просит у Зенона 3 драхмы и $1\frac{1}{2}$ артабы¹ в месяц, что намного меньше самого низкого прожиточного минимума.

Формально запрещалось требовать проценты, превысившие сумму долга, но этот закон оставался на бумаге. В обеспечение долга должники отдавали вещи, драгоценности, рабов, себя и членов своей семьи. Наказанием за неуплату долга в срок была долговая тюрьма, «а иногда, вопреки парскому указу, и продажа в рабство» (стр. 67). «Это, — бесстрастно замечает автор, — уязвимое место в хозяйстве» (там же). Зенону пишут заключенные, которые, моля о снижении, просят освободить их, дать им возможность отработать долг и выкупить себя. Мы вправе поэтому предположить, что в хозяйстве Аполлония использовался также труд зависимых должников, по существу рабов-должников.

Рассматривая некоторые явно льстивые письма греков к Зенону, содержащие просьбы о помощи (гостеприимство, устройство на работу и т. п.) (например, PS1, 392), Прэо задается вопросом (оставляя его нерешенным): «Действует ли Зенон как восточный магнат, великодушный и жалостливый, или как гражданин, проникнутый человеческой солидарностью?» и отвечает: «Это неизвестно» (стр. 84). Но автору хорошо известны суровые методы расправы Зенона с неисправными должниками (см. стр. 66 сл.): изъятие у них имущества, ослов, заключение в долговые тюрьмы, автору известно, что имеются письма египтян, которые отнюдь не просят дружеской помощи, а с гневом, горечью и угрозами требуют правосудия. И это, по видимому, заставляет автора в последних строках книги заняться постановкой социальной проблемы. Оказывается, что «в *δωρεά* не проводится никакой социальной политики. Одни цари в Египте понимали необходимость дать рабочему чувство уверенности» (?—И. А.) (стр. 86).

В чем же заключается это отсутствие «социальной политики»? Заключается оно, по мнению автора, в том, что в среднем труд плохо оплачивается, а полагающиеся жалованье, как об этом свидетельствуют десятки жалоб, выдается с большим опозданием. В результате «рабочие приходят в отчаяние и негодуют, грозят оставить работу, организуют стачки. Это возбуждает у рабочего вражду, которая характеризует социальный климат *δωρεά* — климат капитализма, где ничто не умеряет конфликтов интересов» (стр. 86). Так буржуазная ограниченность автора не позволяет ему рассматривать историю древности иначе, чем сквозь призму современного капитализма.

Обширные материалы Зеноновского архива позволяют автору нарисовать интересную картину взаимодействия элементов греческой и египетской культур после македонского завоевания. Документы свидетельствуют о значительном развитии производительных сил в IV—III вв. до н. э. Влияние греков сказалось прежде всего в интенсификации сельского хозяйства, в улучшении организации и техники земледельческих работ. Несомненно, под влиянием греков египтяне научились снимать два урожая зерновых, разводить новые для них культуры. В области скотоводства прогресс сказался в разведении прекрасных пород сицилийской свиньи, арабской и милетской топкорунной овцы. Известно, что лес был наиболее дефицитным материалом в до-птолемеевское время египетской истории. Птолемеевская политика лесонасаждений также способствовала развитию производительных сил страны. Политика «автаркии» Птолемея, т. е. стремление производить в Египте импортные товары, способствовала развитию ремесла. Вместе с тем автор справедливо указывает и на вклад египтян в эллинистическую культуру.

Подводя итоги, следует отметить, что основным пороком автора, пронизывающим всю работу, является отрицание классовой рабовладельческой природы птолемеевского государства и протекающие отсюда модернизация его, неправильный классовый анализ населения Египта и его экономики. «Греки» и «египтяне» понимаются как

¹ Средняя стоимость артабы пшеницы в III в., по вычислениям Прэо, — одна драхма. Стоимость артабы пшеницы и прожиточный минимум в римское время были значительно выше. См. А. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э., 1949, стр. 198—199.

нерасчлененные этнические (у автора «национальные») единства, а социальная и политическая борьба египетского населения, начавшаяся еще при Эвергете I, характеризуется автором как «расовый конфликт» (стр. 70).

Несмотря на тщательную работу над большим и трудным материалом первоисточников, ошибочная методологическая позиция автора, непонимание сущности рабовладельческой формации, стремление к модернизации привели к искажению подлинной картины хозяйственной и социальной жизни раннептолемеевского Египта.

Наряду с частными исследованиями по истории греко-римского Египта за последнее время появился ряд и общих работ. Из них в первую очередь следует отметить появившуюся в 1948 г. работу известного папиролога Белла под заглавием «Египет от Александра Великого до арабского завоевания»¹.

Предметом исследования автор избрал вопрос о судьбах эллинизма в Египте (стр. V—VI), а задачей своей считает изучение экономического и социального развития Египта на протяжении почти тысячелетия (стр. 26). Хронологические рамки исследования определяются наличием греческого папирологического материала (наиболее ранний из точно датированных папирусов относится к 311 г. до н. э., а поздние — к концу первого столетия хиджры, т. е. к VIII в. н. э.). Вызывает, однако, возражение периодизация автора: история Египта от Диоклетиана отнесена Беллом к Византийскому периоду. Такое смещение папирологической периодизации с исторической представляется необоснованным.

Автору свойственна крайняя переоценка географического фактора. Развитие Египта на всем протяжении его истории Белл объясняет, исходя из специфики географических и климатических условий страны. Географическая изолированность и особые природные условия Египта обусловили, по мнению автора, и политическое развитие (недоступность для завоевания), и хозяйственную структуру (ирригация и др.), создали «изолированную» в духовном отношении расу (стр. 5).

Факты египетской истории полностью противоречат концепции Белла. Если сравнительная изолированность Египта имела место в процессе формирования и складывания египетского классового общества и государства в IV тысячелетии до н. э., то, уже начиная с Древнего царства, известны факты широких для того времени экономических, политических и культурных связей Египта с переднеазиатским и эгейским миром. В период Среднего и особенно Нового царства связи эти значительно усиливаются. Говоря о географической изолированности и недоступности Египта для завоевателей с севера, запада и юга, Белл недооценивает тот факт, что восточная граница Египта всегда была уязвимым местом в обороне страны, что через Синайский полуостров Египет был завоеван в XVIII в. гиксосами, в VII в. — ассирийцами, в VI в. персами, а в IV в. — Александром Македонским.

Останавливаясь на причинах становления, развития и упадка эллинизма, Белл ищет их не в основных закономерностях и противоречиях рабовладельческой формации, а во взаимоотношениях различных рас и в чисто внешних и зачастую случайных политических обстоятельствах. Противоречия между Египтом и Персией, возмущение египтян против персидского ига Белл объясняет несоместимостью темпераментов египтян — идолопоклонников и политеистов и персов — монотеистов по тенденции и идолоненавистников (стр. 29). Греки же потому пользовались расположением египтян, что поощряли и поддерживали их недовольство и восстания против персов. Македонское завоевание и возникновение эллинизма связываются со случайными фактами: если бы меч Клиты не спас Александра при Гранике или если бы перед падением Тира Александр последовал совету Пармениона и согласился принять предложения Дария, то вся мировая история пошла бы по иному пути (стр. 29). Белл не видит того, что завоевание Александра Македонского знаменовало собой начало нового этапа в развитии рабовладельческой формации. Провозглашение Александра сыном Аммона рассматривается автором (стр. 30—31) как проявление романтического и религиозного темперамента Александра.

¹ H. I. Bell, *Egypt from Alexander the Great to the arab conquest. A study in the diffusion and decay of hellenism*, Oxford, 1948, стр. VII + 168.

В работе Белла имеется и ряд правильных наблюдений и положений. В отличие от других представителей буржуазной науки, рассматривающих греков и египтян соответственно как «*Negervolk*» и «низшую расу», Белл отмечает необходимость дифференцированного подхода по социально-экономическому признаку как к грекам, так и к египтянам. Он указывает на наличие множества документов, свидетельствующих о дружественных и даже интимных отношениях между греками и египтянами (стр. 61). Однако это наблюдение не подкреплено конкретным анализом и выяснением тех социальных групп, между которыми были возможны подобные хорошие отношения. Белл далее справедливо указывает, что не все александрийские греки обладали правом александрийского гражданства, которая велась с большим ожесточением, особенно в первых двух веках римского господства, и часто приводила к кровавым столкновениям.

Но в работе Белла не разрешены важнейшие вопросы экономической и социальной истории Египта птолемеевского и римского времени. Пытаясь объяснить экономическое и политическое процветание Египта при первых Птолемах, Белл выдвигает два момента: 1) способность правителей к выполнению своих задач; 2) добрая воля подданных подчиняться государственной власти. В соответствии с этим упадок Египта, начавшийся со времени Птолемея IV Филопатора, Белл объясняет только резким ухудшением управления¹ и не видит коренных социально-экономических причин кризиса. Важнейшим пороком работы Белла является отсутствие социального анализа египетской экономики. Так, рассматривая основные виды земельных владений в стране, где земледелие является основой хозяйственной жизни, автор не ставит вопроса о непосредственном производителе, его социально-экономическом и юридическом положении. В другой своей работе по истории римского Египта Белл определяет непосредственного производителя неопределенным и модернизаторским термином «деревенские феллахи»². Труд рабов не принимается во внимание даже для птолемеевского времени. В соответствующем разделе лишь дважды мельком упоминаются рабы (стр. 49 и 51). Между тем даже сам факт импорта рабов, при учете финансовой политики Птолемея, свидетельствует о потребностях хозяйства в рабском труде и о его применении. Игнорируя вопрос о способе эксплуатации непосредственного производителя, Белл не может объяснить причин гражданских войн II—I вв. до н. э., которые являются у него как *deus ex machina*.

В советской историографии установлено, что кризис эллинизма не создавал реальных предпосылок для крушения рабовладельческой и создания новой, более прогрессивной формации. Поскольку воспроизводство в рабовладельческом обществе возможно лишь в ограниченных пределах, «римское завоевание было неизбежным результатом кризиса эллинистической экономики»³. Образование Римской империи как военной диктатуры рабовладельческого класса на время укрепило основы рабовладельческого хозяйства. Поэтому в римском завоевании «объективно был заинтересован господствующий класс рабовладельцев не только Рима, но и провинций»⁴. Эти кардинальные проблемы хода исторического процесса Беллом даже не поставлены.

Непонимание природы римского завоевания Египта повлекло за собой неправильное освещение различных черт истории римского Египта. Правильно отметив эволюцию земельного владения в собственность (стр. 73—74; прибавим: с тенденцией образования крупных латифундий), Белл не делает отсюда вывода о разрушении общинных

¹ Так же В. Т а р н, ук. соч., стр. 187.

² «*Chr. d'Egypte*», 1938, № 26, стр. 353; ср. Т а р н, ук. соч., *passim*.

³ А. Р а н о в и ч, Основные проблемы эллинизма, ВДИ, 1949, № 1, стр. 23.

⁴ А. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э., 1949, стр. 152.

отношений¹, массовом обнищании трудящихся, оказавшихся под двойным гнетом — крупных землевладельцев и нестерпимого налогового пресса римлян.

В работе Белла история римского Египта рассматривается в полном отрыве от внутренней социальной и классовой борьбы. Белл преувеличивает значение пресловутого рах Романа, принесшего якобы Египту мир и безопасность. Между тем уже первый год римского владычества в Египте ознаменовался крупным восстанием, подавленным в 29 г. до н. э. Корнелием Галлом. С тех пор открытые выступления и восстания египетских масс (к сожалению, они пока еще мало изучены), пассивные формы борьбы с римскими властями (массовые *αναχωρήσεις*) были постоянными спутниками тяжелого римского господства. Беллу хорошо известна потрясающая картина жесточайшей эксплуатации Египта, этой «дойной коровы» империи (стр. 76). Хищническая эксплуатация и истощение живых сил страны неизбежно вели к катастрофе. Но Белл считает, что римляне все это делали «без дурного умысла», они лишь «передавали корову» (стр. 76).

Отмеченные пороки работ Белла и Прэо являются свидетельством того тупика, в который зашла современная буржуазная историография. Даже лучшие ее представители, располагающие огромным фактическим материалом, искусно обрабатывающие его и делающие ряд верных и метких наблюдений по частным вопросам, оказываются совершенно беспомощными, когда дело доходит до обобщений. Лишь марксистско-ленинский метод в исторической науке позволяет вскрывать общие закономерности развития, обнаруживающиеся в ряде конкретных исторических явлений.

И. Д. Амусин